

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81-116'06
ГРНТИ 16.21.39

К ВОПРОСУ О СВЯЗИ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ЯЗЫКА И ЯЗЫКОВОГО МЫШЛЕНИЯ

Савицкая Екатерина Владимировна

кандидат филологических наук,

доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Самарского государственного социально-педагогического университета,

г. Самара

АННОТАЦИЯ

В статье ставится цель установить характер соотношения между особенностями грамматики языка и спецификой мышления народа – носителя данного языка. Критикуются взгляды тех лингвистов, которые проводят подобного рода параллели слишком прямолинейно и к тому же с идейно-пропагандистским уклоном. Показывается относительная автономия грамматики языка от психологии народа. Путем применения сравнительного метода демонстрируется, что грамматика языка определяет скорее стратегию языкового мышления, нежели черты национального характера. Исследование проведено на материале английского и русского языков.

ABSTRACT

The aim of the article is to establish the nature of the relationship between grammatical features of a language and the peculiarities of its native speakers' thinking. The author criticizes the views of those linguists who draw too straightforward parallels and are ideologically biased. Relative autonomy of grammar from ethnic psychology is demonstrated. On the basis of the comparative method the author shows that the grammar of the language determines the strategy of language thinking rather than traits of national character. The research is based on the English and Russian language material.

Ключевые слова: инкорпорирующий / эргативный / номинативный строй языка, этнический менталитет, семантическая роль, безличная конструкция

Keywords: incorporating / ergative / nominative structure of language, ethnic mentality, semantic role, impersonal construction

Введение

По А.Ф. Лосеву [4], в процессе культурно-исторического развития языковое мышление людей проходит несколько стадий, каждой из которых соответствует определенный грамматический строй языка; в свою очередь, каждому строю языка присущ свой тип грамматического предложения.

В ходе эволюции человеческого мышления языки последовательно проходили инкорпорирующую, эргативную и номинативную стадии. Первая из них – самая ранняя. В древнейшие времена человек, с его слабо развитым Я, был еще не способен проводить отчетливое противопоставление между Я и окружающим миром. Мир (внешний феномен) и картина мира (феномен внутренний) были для него практически тождественны. Отсюда проистекал полисинтетизм грамматического предложения (точнее, прото-предложения, именуемого инкорпоративным комплексом): в его составе субъект еще не выделялся (или, по крайней мере, нечетко выделялся) из действительности как самостоятельная сущность.

На следующей – эргативной – стадии субъект уже выделялся, однако субъектом был не человек. Человек позиционировал себя как орудие в руках субъекта. Вместо *Волка убил охотник* предложение строилось по схеме *Волка убило охотником* (ср. с русской конструкцией *Ивана убило молнией,*

Ветром сорвало крышу). В качестве субъекта действия выступало выражающее соответствующей формой глагола некое *Оно* – сверхъестественное существо, причина и инициатор всего происходящего в мире. В частности, *Оно* убило Ивана молнией, а волка – охотником. Охотник мыслился не как инициатор действия, а как инструмент инициатора (божества, идола и т.п.). Люди еще не чувствовали себя хозяевами мира: слишком слабы и беспомощны они были перед природными стихиями в древние времена.

Наконец, на номинативной стадии развития мышления и языкового строя человек, добившись успехов в покорении сил природы, ощутил себя хозяином жизни и инициатором действий. Образно говоря, человек ссадил божество с престола и уселся на него сам. В морфологии языка возник самостоятельный, независимый падеж существительного – номинативный. Он противопоставлен косвенным падежам в том плане, что он не управляется глаголом. В синтаксисе возникло «гордое» подлежащее, существующее само по себе и диктующее сказуемому лицу, число, а порой и грамматический род.

Основная часть

В XX – XXI столетиях появился целый ряд исследований, в рамках которых предпринимались попытки увязать особенности грамматического строя языка с особенностями характера народа –

носителя данного языка. В частности, С.Г. Тер-Минасова [5], Ю.В. Чернавская [7], А. Вежбицкая [1], [2], [3], К. Годдард [8] и другие выдвинули тезис: в английском предложении подлежащее в большинстве случаев выражено именем существительным в номинативном падеже, который передает семантическую роль “агенса”, что, по мнению вышеперечисленных лингвистов, свидетельствует об активности, инициативности и самостоятельности англосаксов – хозяев своей судьбы, покорителей мира и кузнецов своего счастья. Согласно этому тезису, такой строй языкового мышления стимулирует активные действия и способствует достижению жизненного успеха.

По контрасту утверждалось, что в русском языке обилие безличных и неопределенно-личных конструкций с нуль-подлежащим или с подлежащим в косвенном падеже свидетельствует о пассивности русских, их фатализме, покорности и неспособности выступать в качестве хозяев жизни и своей судьбы. В порядке подтверждения приводились парные примеры: англ. *Wow, I did it!* – рус. *Ура, у меня получилось!* Подчеркивалось: англосакс сделал дело, а у русского оно «само» получилось.

Это различие отмечалось упомянутыми исследователями при описании не только действий, но и состояний. Ср. англ. *John feels sad* и рус. *Ивану грустно*. Англосакс подан как субъект душевного состояния (имя актанта стоит в номинативе), а русский – скорее как его объект (душевное состояние как бы пришло к нему извне, помимо воли, о чем свидетельствует дативная форма имени актанта).

Такие утверждения лишь на первый взгляд кажутся убедительными. Более тщательный анализ позволяет увидеть шаткость этой аргументации. Мы имеем обоснованные возражения против вышеприведенного тезиса.

Наблюдения показывают: нельзя утверждать, что английская личная конструкция с глаголом в действительном залоге носит сугубо **агентивный** характер. Поскольку агентс есть деятель (сознательный инициатор действия), эта семантическая роль входит в падежный фрейм **только** акциональных глаголов. Однако в английском предложении подлежащее сочетается не только с акциональными, но и с любыми другими глаголами и выражает не только агентс (John made), но и все другие семантические роли:

- пациенс, т.е. претерпевающий (John underwent),
- перцептив, т.е. воспринимающий (John heard),
- статив, т.е. пребывающий в состоянии (John slept),
- релятив, т.е. находящийся в отношении (John belonged),
- перцептив, иначе называемый экспериенцер, т.е. ощущающий (John felt),

- локант, т.е. находящийся в каком-либо месте (John was inside),

- локатив, т.е. вмещающий (John held beer in his belly) и др.

Этот факт **не** позволяет утверждать, что высокая речевая частотность конструкции с подлежащим в общем падеже при глаголе в активном залоге говорит об активном, деятельном характере англосаксов. Они и вправду деятельные, но вызывает большие сомнения существование каузальной связи между этой чертой национального характера и этой конструкцией. На наш взгляд, она частотна **не** поэтому, а потому, что английская грамматика с ее бедным флексийным фондом не допускает практически никаких других морфологических форм подлежащего и, в частности, формы датива. У имени существительного в английском языке попросту нет датива, а потому нет и дативной конструкции.

Английское подлежащее стоит не в номинативном, а в **общем** падеже, отличающемся от номинативного в ряде аспектов. Поскольку современное английское существительное имеет только два падежа (притяжательный и общий), общий падеж (порой сопровождаемый предлогом) поневоле выражает **все** падежные значения, иногда и посессивное; потому его и именуют общим.

По-русски можно сказать *Ивана зашатало*, т.к. форма винительного падежа существительного (*Ивана*) передает семантическую роль “пациенса”, а глагольная форма 3-го лица ср. рода ед. числа (*зашатало*) подразумевает нуль-подлежащее в семантической роли “агенса”. В английской грамматике такая конструкция просто невозможна, поскольку у существительного нет винительного падежа, у глагола нет рода, а в прошедшем времени нет и лица. Английская морфология бедна, поэтому большую роль играет синтаксис – в частности, позиция подлежащего, обретшая функциональный универсализм.

Мысль о том, что кого-то зашатало, англосаксы вынуждены выражать так: *John staggered*. Это не номинативный и не винительный, а общий падеж, и Джон – не деятель, а носитель состояния, который в данной ситуации **лишен** агентивности. В таких случаях его агентивность – иллюзия. Нельзя задать вопрос *What did John do?* и ответить: *He staggered*, поскольку *staggered* – **не** действие. Джон ничего не сделал; с ним что-то произошло (*What happened to John?* – *He staggered*), и он – **пассивная** сторона, в какой бы форме ни стояло его имя. Это не вопрос особенностей менталитета народа; это вопрос возможностей грамматики языка.

Что касается архаичной конструкции *methinks / meseems*, она возможна потому, что у английского местоимения, в отличие от существительного, есть номинативный и объектный падежи, а у глагола есть форма 3-го лица, то есть по той же причине, по которой эта конструкция возможна в русском языке (*мне думается / кажется*). Но с английскими **существительными** эта конструкция невозможна (ведь, кроме посессива, у них нет форм косвенных

падежей и, в частности, датива), а с русскими – возможна (*Ивану думается / кажется*), поскольку у русских имен существительных имеется датив.

Подчеркнем: конструкций типа *У меня не вышло* в английском языке нет **не** потому, что англосаксы – хозяева собственной судьбы, а потому, что у английского существительного нет косвенных падежей, кроме посессивного. Англосаксы **вынуждены** во всех случаях применять форму общего падежа: *У меня не вышло – I failed*. Эта английская конструкция ничуть не агентивнее русской: ведь лузер – не хозяин положения. Как видим, причина всего этого носит не культурный и не психологический, а лингвистический характер; она состоит в дефиците

падежных форм и, как следствие, в функциональном универсализме общего падежа.

Вот если бы англосаксы, строя речь, намеренно ставили подлежащее в номинативную форму при наличии альтернативы – косвенных падежей – то можно было бы говорить о гордом духе народа – хозяина мира, который выбирает номинатив как средство обозначения себя и предпочитает его всем остальным. Но в английском языке практически **нет** такой альтернативы (а значит, и выбора). Любому падежу русского существительного соответствует общий (а не номинативный!) падеж английского существительного:

Табл. 1.

Русско-английские падежные соответствия

русский язык			английский язык		
аргумент	падеж	предикат	аргумент	падеж	предикат
Иван	номинативный	строит	John	общий	builds
Ивана	родительный	нет дома	John	общий	is out
Ивану	дательный	снится	John	общий	dreams of
Ивана	винительный	трясет	John	общий	shakes
Иваном	творительный	восхищаются	John	общий	is admired
Об Иване	предложный	спорят	John	общий	is disputed

Как видим, носители английского языка обо всем говорят в общем падеже. Ничего другого им не остается – ведь, как упоминалось, у имени существительного в английском языке нет косвенных падежей, помимо притяжательного. Мы полагаем, что дело здесь не в менталитете английского народа, а в строе английского языка.

По логике вещей, в **любом** языке, который характеризуется дефицитом

падежей, дело обстоит так же, какому бы народу с каким бы менталитетом этот язык ни принадлежал. Общий падеж подлежащего – еще не показатель того, что англосаксы чувствуют себя кузнецами своего счастья, строителями и властителями своей судьбы и т.п.

Бедность английского флексийного фонда привела к обязательности наличия подлежащего в общем падеже (у существительного) или номинативе (у местоимения); иначе фраза непонятна. Русский человек может сказать *Меня швырнуло оземь*, а англосакс не может сказать **Me hurled on the ground*, т.к. дефицит флексий не позволяет понять, кто кого швырнул. Приходится употреблять подлежащее в номинативе при сказуемом в пассиве: *I was hurled on the ground*. В такого рода употреблении грамматических форм гордый дух «хозяина своей судьбы», брошенного на землю, совершенно ни при чем.

В наше время на Земном шаре **сосуществуют** языки инкорпорирующие, эргативные и номинативные. Языки первых двух типов принадлежат отнюдь не только культурно отсталым, но и цивилизованным народам. Однако это не означает, что носители таких языков, будучи цивилизованными, мыслят архаично (это было бы противоречием в терминах). Архаические черты

этих языков давно уже стали условностью; она не мешает мыслить современно, несмотря на употребление архаичных языковых форм. На глубинном уровне языкового мышления носители таких языков думают цивилизованно и лишь на поверхностном уровне оформляют мысль на старинный лад.

Исследования по универсальной грамматике, генеративной семантике и семантическому синтаксису показали, что грамматики языков мира имеют семантический инвариант, который можно описать в виде семантических ролей – не столько по версии Ч. Филлмора [6]), которая зависит от характера семантики английских глаголов, сколько по версии Дж. Грубера [9], которая носит долексический характер и определяется не семантикой глаголов того или иного отдельного языка, а ролевой структурой обозначаемой ситуации. В разных языках одни и те же грамматические значения часто выражаются неодинаковыми морфологическими формами.

Заключительная часть

Отсюда следует вывод: прогрессивный строй мышления, ставящий субъекта во главу угла и позиционирующий человека (а не божество или демона) как господина положения и хозяина жизни, свойствен современным цивилизованным людям, и он в целом не зависит от типа грамматики их языков (хотя какое-то реликтовое влияние может в небольшой степени сохраняться). Мышление (вещь подвижная) опередило грамматику (вещь довольно консервативную). Говоря по-старому, современные люди мыслят по-новому. По нашим наблюдениям, нет жесткой обусловленности строя мышления строем языка. Этот тезис находится в русле умеренной версии гипотезы Сепира – Уорфа и

служит возражением против идей, выдвигаемых сторонниками зависимости грамматики от национального характера.

Список литературы

1. Вежицкая А. Русский язык // А. Вежицкая. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. – С. 33-88. [Wierzbicka A. Russkiy Yazyk // A. Wierzbicka. Yazyk. Kultura. Poznaniye. M.: Russkiye slovari, 1996. – S. 33-88. (In Russ.)]
2. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 780 с. [Wierzbicka A. Semanticheskiye universalii i opisaniye yazykov. M.: Shkola “Yazyki russkoy kultury”, 1999. – 780 s. (In Russ.)]
3. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с. [Wierzbicka A. Ponimaniye kultur cherez posredstvo kluchevykh slov. M.: Yazyki slavyanskoj kultury, 2001. – 288 s. (In Russ.)]
4. Лосев А.Ф. О типах грамматического предложения в связи с историей мышления // А.Ф. Лосев. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М.: изд-во Московского гос. ун-та, 1982. – С. 280-407. [Lossev A.F. O tipakh grammaticheskogo

predlozheniya v svyazi s istoriyej myshleniya // A.F. Lossev. Znak. Simvol. Mif. Trudy po yazykoznaniiyu. M.: izd-vo Moskovskogo gos. un-ta, 1982. – S. 280-407. (In Russ.)]

5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: СЛОВО, 2000. 146 с. [Ter-Minassova S.G. Yazyk i mezhhkulturnaya kommunikatsiya. M.: SLOVO, 2000. – 146 s. (In Russ.)]

6. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М.: Прогресс, 1981. – С. 369-495. [Fillmore Ch. Delo o padezhe // Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. X. M.: Progress, 1981. – S. 369-495. (In Russ.)]

7. Чернавская Ю.В. Народная культура и национальные традиции. Минск: изд-во «Беларусь», 2000. – 421 с. [Chernavskaya Yu.V. Narodnaya kultura i natsionalnye traditsii. Minsk: izd-vo “Belarus”, 2000. – 421 s. (In Russ.)]

8. Goddard C. Meaning and Universal Grammar – Theory and Empirical Findings. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 2002. – 337 p.

9. Gruber G. Studies in Lexical Relations. Bloomington: Indiana University Linguistics Club, 1970. – 224 p.

УДК 81-2

СЛОВА С ЛОКАТИВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В ФУНКЦИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.2.71.585](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.2.71.585)

Федосеева Л. Н.

*Доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой иностранных языков
Академии ФСИН России,
г. Рязань*

Алексеева Т. Е.

*Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Академии ФСИН России,
г. Рязань*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются локативы в функции обстоятельства в русле функционально-коммуникативной грамматики. Функция языковой единицы понимается авторами как способ привлечения к достижению определённых целей. У каждого члена предложения есть грамматический стержень, составляющий его типичную языковую оболочку. Авторы исходят из того, что все формы обстоятельства группируются вокруг наречий, соотносятся с наречиями, то есть последние являются грамматикализованным ядром выражения данного члена предложения, и приходят к выводу, что центральными формами обстоятельства места являются местоименные и обстоятельственные наречия, в роли обстоятельства места выступают также фразеологические сочетания наречного характера и имена существительные, входящие в качестве зависимых слов в разные типы словосочетаний, выражающих локативную семантику. Однако, по мнению авторов, следует учитывать, что имя существительное является первичной формой выражения локативности. Всякий раз, когда необходимо локализовать предмет впервые, независимо от контекста или ситуации, обычно прибегают к имени существительному (с предлогом или без него).

Основополагающим в данной работе явился функционально-семантический подход, интегрирующий лексические и грамматические средства на основе общности их функций. Предметом рассмотрения стали единства, имеющие функционально-семантическую основу, что позволило осуществить многоаспектное изучение и описание исследуемого явления. При этом семантическая составляющая языковых фактов, так же как и в структурно-семантических исследованиях, остаётся важнейшей.

ABSTRACT

The article deals with the locatives in the function of an adverbial modifier in terms of functional-communicative grammar. The authors consider the function of a language unit as a way of attaining certain goals. Each member of the